

Дарья ВАРЛАМОВА

Дарья Варламова родилась в 1986 году в Москве. Окончила факультет медиа НИУ ВШЭ и сценарный факультет Московской школы кино. Автор нескольких книг на темы психологии, нейробиологии и др., экс-редактор порталов «Большой город» (раздел про образование) и «Теории и практики». Также писала для Republic, Colta, Snob и других изданий. Живет в Алматы.

Год начался со смерти,
самой обычной смерти.
Но словно от этого в мире
стало чуть меньше тверди,

словно земля под ногами
ходит теперь волнами,
там, где были дороги, —
темная топь меж нами.

Смерть очень не любит
крепкое и сплошное,
смерть — это какое-то
чудище кружевное,

что, обрывая нити,
бродит за шелкопрядом
и прогрызает дыры
между теми, кто рядом.

Смерть открывает течи
в ноющем моем сердце,
и во мне остается
меньше и меньше тверди:

с каждой своей потерей
дух мой, печалью скручен,
станет еще прозрачней,
станет еще текучей,

двинется струйкой сточной,
сонно, почти бесцельно,
в край, где поток молочный
льнет к берегам кисельным.

Знаю — пока не к спеху —
вытеку вся в прореху,

а воды из каждой прорехи
соединятся в реку.

Песенка про зверей

Асе

Словно тени на грубой стене пещеры,
пощуриваясь от ламп,
стояли звери около двери,
целый лес из хвостов и лап —

Птеродактиль скучал по небу,
грыз гуаву австралопитек,
они чуда не ждали, ведь нас еще не было,
чтобы придумать ковчег.

И всё новые твари выходят из моря
и идут чередой к двери,
я не знаю, о чём они воют, но вторит им
грустный зверь у меня внутри.

И тому, кто над нами, пожалуй, виднее,
что во всем этом есть красота,
и что круговорот важнее
любого, кто стерт с листа,

Что, когда в мире что-то сгорает дотла,
горный свет проникает в зазор,
и мне хочется верить, что наши тела
складываются в узор,

И мне хочется верить, что наши дела
складываются в узор.

Только твари, так лихо скроенной
из несовместимых частей,
всё никак не подняться до этих стройных,
непостижимых путей —

Даже если порой повезет расслышать
их звенящую благодать,
я могу лишь выть, когда тот, кто дышит,
перестает дышать,

Я могу лишь зализывать раны любимым,
и бояться кровопотерь,
и тревожно подергивать лапами,
видя во сне эту дверь,

И живое, что робко сжалось
среди замыслов и костей,
гладить, пока оно есть,
не жалуясь
на царапины от когтей.

Сиринга

Я пыталась уйти от бури –
пыталась, честно,
от сырого шума, горячего тела,
брожения фруктов спелых,
от неловких ласк и бесчинных плясок,
от страшных сказок,
я хотела быть как скала, как ручей, как птица,
что парит над всем,
не падает,
не стыдится.

Но столкнулась с ним –
о, я ведь сразу его узнала,
вы столкнетесь тоже,
вы не скроетесь от него – даже не пытайтесь,
он не просто везде, он – всё.

Я бежала быстро,
но липкий хаос дышал мне в шею,
обвивались лозы, ягоды мялись под моими ногами,
и деревья как будто выпячивали корневища,
лился сок, разрастались тени,
пот стекал по телу,
и когда я вступила в воду, я поразилась,
как она чиста и спокойна,
и как мутно стало во мне, как темно и жарко,
когда коснулся
он меня...

Я тростник,
и теперь я знаю – всегда была им,
мы – тростник, что мыслит,
повязанный общей нитью,
собранный в свирель,
то, что нас напугает, но не убьет,
станет нашей песней,
будет течь, в каких-то тайных полостях рождаясь,
чей-то слух тревожа.

Интуиция

Д.

Если верить себе, для родов любви
нужно много слов,
а иначе всё слишком густо в одном намешано,
а истины
переходят одна в другую,
не оставляя швов –
как на картинах Эшера.

Если верить себе,
то вселенная обыденна и страшна,
но легко населяема смыслом, игрой и тайной,
жизнь случайна,
но биография ни одна
не случайна.

И дорога обратно
всегда короче, чем путь туда,
а из всех путей лучший – тот,
что делает жизнь страннее,
и селиться стоит лишь там, где течет вода,
чтоб просвечивать
и колебаться с нею.

И, когда под ногами зыбь, –
доверять волне,
чтоб пропитывала меня, как живая влага,
та прозрачность,
что возникает лишь в тишине
между тайным зовом и робким шагом.

То волшебство не дают на вынос –
звездное небо живет внутри нас,
в самых глубинах, на дне колодца
чтобы посвечивать и колоться,

Нету маршрута в него и нету
входа, но в самой кромешной тьме ты
тайную россыпь своих галактик
видишь без всяких духовных практик.

Кто прикоснулся к своей изнанке,
выйдет на путь безнадежно-манкий:

следом за зовом, в глубины сада,
в дикой стране, где уму не рады.

Следом за зовом, в сплетенье знаков,
где весь пейзаж глубоко инаков,
где в асфоделях тропа оленья
— в самую глубь, на свиданье с тенью.

И, поперхнувшись от звездной пыли,
ты ужаснешься — и мы там были —
тем, как от каждой простейшей вещи
в ночь разбегается сетка трещин.

Это конец твой и все же шанс твой —
миф предлагает тебе гражданство,
мажет на лоб твой волшебный ил, из
гущи которого мы родились.

Выйдя наружу, к дневному свету,
ты убедишься: наружи нету,
это твой крест и твоя отрада —
век свой прожить на границе сада.